

СТАНИСЛАВ
РОСОВЕЦКИЙ

ЭЛИТНЫЙ
ОТРЯД КНЯЗЯ
ИЗЯСЛАВА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р75

Художник — *Игорь Варавин*

Росовецкий, Станислав Казимирович.
Р75 Элитный отряд князя Изяслава / Станислав
Росовецкий. — Москва : Яуза : Эксмо, 2018. —
352 с.

ISBN 978-5-04-095883-2

Морозная зима 1151 года. За великое киевское княжение борются любимец Киевской земли Изяслав Мстиславович и его дядя Юрий Долгорукий. Молодой мечник Хотен возглавляет элитный отряд князя.

Под его командованием отборные воины-профессионалы, закованные в железо и безупречно владеющие любым оружием, совершают смелый рейд по вражескому тылу. Чтобы выполнить приказ князя, Хотену и его спецназовцам придётся проявить чудеса выносливости, смекалки и воинского искусства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095883-2

© Росовецкий С.К., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог, или О беспокойствах и сомнениях ангела Господня Пантелеймона

ета от сотворения мира 6658, от Рождества же Христова 1151 года святки выдались необычайно студенными. Была это, пожалуй, самая суровая из зим, которую довелось пережить ангелу Пантелеймону с тех пор, как несколькими столетиями раньше здесь, на Руси, появились первые христиане и захожего греческого попа угораздило наименовать при крещении одного из них Пантелеймоном. Земли же в Европе и Азии, которые дотоле приходилось облетать ангелу, не ведали вообще морозных зим — не говоря уж о предвечном пребывании в сонме у Престола Господнего, где ни холодно, ни жарко и куда ангел Пантелеймон отнюдь не желал бы теперь вернуться, потому что извелся бы там от скуки.

А сейчас стоят трескучие морозы, поистине трескучие — потому что ангел сам слышал, пролетая над Днепром, как трещит лед, сковавший эту могучую реку. Впервые поверил тогда он в басню, что в такой мороз птицы замерзают на лету. Сам-то он замерзнуть не мог, однако крылья у него обледенели, пришлось спускаться на

ближайшую избу и оттаивать их в струе дымного и теплого воздуха, тянущегося из волокового окна. Вместе с дымом, теплом и запахами крепкого стоялого меда до ангела Пантелеймона доносились обрывки застольной беседы трех русичей, успевших уже обсудить бабьи проделки, святочные новости в околотке и повернуть на наезженную колею болтовни о княжеской междоусобице. А тем самым и отвлечь ангела от зряшных размышлений о том, как бы он выглядел в белом овчинном полушубке поверх туники, какой длины следовало бы в таком случае делать в полушубке прорезы для крыльев и не стало ли бы это нарушением Устава вышних сил? Ведь удивился ангел Пантелеймон: разве в такие морозы война не затихает — даже эта, почти бесконечная русская война за великое киевское княжение? А в том, что она неминуемо вспыхнет снова, нечего и сомневаться: всем понятно, что великий воин земли Русской великий князь Изяслав Мстиславович, внук Мономаха, выбитый из Киева дядей своим суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким, не удовольствуется оставшейся у него последней волостью, Владимиро-Волынским княжеством, и обязательно продолжит борьбу за золотой киевский стол.

Пропуская мимо возвышенного своего слова, жеванные одним из мужиковатых собеседников, «ото ж» и «так воно и есть» второго и матерные выражения, обильно уснащающие речь всех троих, ангел Пантелеймон узнал и кое-что новое для себя из мнения народного о кня-

зе Изяславе, в святом крещении Пантелеймоне, а стало быть, о своем подопечном. Оказалось, что именно сейчас Изяслав Мстиславович оказался в положении едва ли не самом тяжком со дня смерти отца его, великого князя киевского Мстислава Владимировича. Дядя — враг его осуществил, наконец, давнюю свою мечту и стал великим князем киевским, а Юрьевичи, сыновья дяди, сидели один в Переяславле, ключевом городе юга Руси, откуда князю лежит прямая дорога на киевское великое княжение, а два других в Пересопнице и Дорогобуже, уже самому Изяславу перекрывая путь к Киеву и стесняя его в последнем владении. Вечный союзник Юрия и противник Изяслава галицкий князь Володимирко Володаревич был богат и силен как никогда, а в далеком дивном Царьграде крепко держался за подлокотники своего престола, золотыми поющими птицами да рычащими зверями украшенного, венценосный покровитель Юрия греческий император Мануил. Зато постоянный союзник князя Изяслава, еще один дядя его, трусливый и бестолковый Вячеслав Владимирович, как раз помирился с братом Юрием, а зятя Изяславовы, польский король Болеслав Кудрявый и венгерский король Гейза, завязли в войнах на границах собственных государств и не могли прислать войска в помощь, не говоря уж о том, чтобы самим вмешаться в русскую усобицу.

Самое время теперь Юрию Владимировичу, недаром же прозванному Долгоруким, подтянуть ополчение из Суздальщины, вывести на

твердые зимние дороги мощные киевские полки и, собрав всех остальных союзников, окружить беспокойного племянника-соперника в малом Владимире на Волыни, чтобы принудить Изяслава к сдаче и поступить с ним по воле своей — заточить в поруб, как обошелся тот сам с врагом своим двоюродным братом Игорем Ольговичем, впоследствии постриженным в монахи и убитым киевлянами, или ослепить, а то и умертвить, как уже замыслили в свое время брат убитого, новгород-северский князь Всеволод Ольгович, и двоюродные братья, черниговский князь Изяслав Давыдович и Владимир Давыдович.

Все нечаянно подслушанные ангелом мужики явно держали руку великого князя Изяслава Мстиславовича, а тот, что отделявался словами-бесмыслицами, сильнее всех огорчился горькой участью, грозящей их любимцу, и завязал прихотливый матерный узел. Похвастал прелюбодением с покойной матерью князя Юрия, почтенной королевной Гитой Гаральдовной (что можно бы еще вытерпеть, хотя и то подумать: когда и где мог встретиться с нею этот косноязычный мужлан?), однако же похвалился таким же зазорным деянием и с Пречистой Богородицей, и с «архангелом Гавриилом» (да ну?!), и все уж было непонятно, каких это он на закуску бодал «двенадцать боженят».

Ангела Пантелеймона эта фигура русского красноречия до того разозлила, что иней и изморозь на его тунике, мгновенно растопившись, дождем пролились вниз, на лету замерзли и уже сосульками зазвенели, разбиваясь о замерзшую

тропинку. Прямо перед носом пролетели сосульки у девки, с пустым жбаном наострившейся было из избы в погреб за пивом. Раба, наверное. Тут же задрала она кверху свое широкое чернобровое лицо, но вряд ли сумела разглядеть белого ангела на белесом небе.

Впрочем, ангел сразу же набрал высоту и уже сверху присмотрелся ко красным, точно гусиные лапки, ногам девки, застывшей истуканом языческим. Нет, показалось ему. Обута, слава богу, а босая, так уж точно примерзла бы там. Впрочем, русичи всегда удивляли Пантелеймона, столетиями порхавшего над куда более теплыми краями, не только приспособленностью, но и прямой любовью к студеной своей зиме. Ждут не дождутся, будто малые дети, когда можно будет друг в дружку снежками побросать! Закутаются в меха, как звери, и притворяются, что сам черт (тьфу!) им не брат. Нарубят целые горы дров, обставят поленницами избы и варят пива и меда к святкам, чтобы молодым колядовать, а пожилым пьянствовать себе всласть в дымных горницах. А румяные их девки и молодницы именно на морозе, неизвестно почему, и расцветают. Выволокут на двор свои корыта с мокрым бельем и давай рубахи на веревках развешивать, а те сразу же леденеют и звенят на ветру, как стяги войска Деда Мороза.

Ангел Пантелеймон сделал над двором неторопливый круг, дождался, сам не зная зачем, пока девка снова не пробежала тропинкой, на сей раз с полным жбаном. Он помедлил еще немного, ожидая теперь, не подлетит ли страш-

новатый ангел-истребитель, смуглый и сумрачный архангел Михаил, чтобы отнять душу у зарвавшегося сквернословия. Ангел поправил на шее тороки: шелковые эти ленточки на морозе приняли совершенно возмутительный вид. Будто обмусолены! Неплохо будет, если архангел, хоть и невелико начальство, увидит, что он, Пантелеймон, невзирая на отвратительные погодные условия и пренебрегая угрозой пагубного обледенения крыльев, усердно исполняет свои обязанности. Архангел Михаил так и не появился. Либо провинившийся мужик оказался слишком мелкой сошкой, недостойной форменного наказания, либо и без того нынешними святками суждено ему, блаженно-пьяному и с переполненным мочевым пузырем, замерзнуть в снегу. Ангелу Пантелеймону больше понравилось первое объяснение.

Ибо нет и не может быть равенства между земными людьми, и глупы еретики, когда его требуют. Плохо они, еретики, Библию читали, хоть ею клянутся. Ибо какое может быть равенство между смертными, когда даже в среде бессмертных вышних сил оно невозможно? Уж если ты сотворен серафимом, то предстоишь перед Господом выше херувима, а уж если рядовым ангелом, так ниже архангела. Точно так же совершенно справедливо, что за людьми, названными по твоему, ангельскому, имени, разный присмотр бывает, и разные доли твоего благосклонного внимания им уделяются. Одно царю, иное псарю. Сильным мира сего еще и потому большая доля ангельского благоволения необхо-

дима, что от них зависят судьбы многих простых людей, здесь, на Руси, часто и некрещеных.

Вот и прошедшей ночью он посетил незримо обитель одного из Пантелеймонов-русичей, боярина великого князя Юрия Владимировича, мирским именем Жирослава Нажировича. Не спалось тому на чужой мягкой постели, в чужой теплой ложнице, в расписном тереме киевского боярина Петра Бориславовича, отступившего из города вместе с дружиной великого князя Изяслава. И не духота мешала Жирославу, не запахи чужого жилья и даже не громкие языческие песни киевского простонародья, оглашавшие глухую ночь в навечерие Рождества Христова, а думы о ненавистном ему князе Изяславе. Почему князь Юрий не пользуется благоприятным моментом, почему не пытается окончательно сокрушить соперника?

И правильно ведь рассуждал Жирослав, от него не отнимешь, когда убеждал своего князя, что этот подвиг навеки прославил бы его. Ведь нашлось бы на Руси немало народу, благословившего бы за такой поступок Юрия Долгорукого. И не только галичане совокупно, со своим князем во главе, всплескали бы в ладони, прознав об Изяславовом унижении и смерти, но и жители городов Черниговщины и Новгород-Северщины, многократно ограбленные войсками Изяслава и киевским ополчением, а с особенным удовольствием — русичи, поселившиеся на берегах Волги под защитой суздальских князей и молодецки разоренные и плененные дружинниками храбрца Изяслава во время его похода на дядю Юрия.

И откидывал тучный Жирослав соболиное одеяло, засовывал ковш в приготовленную за годя рабою братину с квасом, долго пил, причмокивая и шумно втягивая жидкость и тем донельзя раздражая ангела своего Пантелеймона, невидимо прикорнувшего в красном углу под тусклой лампадкой. Уж если не может смертный обойтись без насыщения едой и питьем, почему ему не научиться хорошим манерам? Вспомнить хотя бы, как изящно вечнопамятный великомученик Пантелеймон дожевывал свою сушеную саранчу, акриду, когда в его триклиний уже врывались преторианцы, посланные нечестивым императором Максимианом, и не забыл ведь окунуть пальцы в чашу с благовонной водой перед тем, как скрутили ему руки за спиной. Восемь столетий пролетело, а до сих пор эта картина стоит перед глазами!

Жирослав, успевший тем временем снова улечься на тисовую кровать, крикнул и замычал. С трудом отвлекся ангел Пантелеймон от зрелища пристойно сомкнутых тонких губ священномученика, мерно и неторопливо движущихся на гладковыбритом бледном лице, сосредоточился и уразумел, что боярин сейчас втихомолку осуждает своего князя. Дескать, окажись Изяслав на его месте, уж тот решился бы и с одной своей дружиной на молниеносный, дабы опередить лазутчиков и самое молву, набег. Однако что толку пенять на Господа, который не дал князю Юрию воинского таланта? Только один способ побеждать и знает этот поздний сын знаменитого полководца — вытал-

кивая противника огромным скопищем войск, своих и союзных.

Однако зимой трудно, а то и невозможно было поднять в поход его главную ударную силу, союзных диких половцев, которым нечем было бы кормить коней. Киевские полки вообще не желали воевать под началом чужого, суздальского князя, а черные клобуки, тюркская гвардия великих киевских князей, державшая городки в Поросье, именно этому киевскому князю, Юрию Владимировичу, так пока и не подчинились. Наивное лукавство степных выходцев не могло скрыть их любовь к Изяславу Мстиславовичу — и разве не точно такое же предпочтение своего, пусть и не самого сильного и богатого князя чужому, как раз и сильному, и богатому, однако не раз уже приводившему с собою на Русскую землю половцев, сквозило в непроницаемых, иногда искривленных принужденной улыбкой лицах киевлян? Лица те не успевал рассмотреть великий князь, когда склонялись киевяне перед ним в поклоне, узрев золотые великоконяжеские сани во время переездов из дворца во дворец. А вот Жирослав ехал в свите, следом, и потому иной раз встречался взглядом с киевлянами, разгибавшимися после земного поклона. И вот что читал боярин в глазах этих столичных, разбитных, себе на уме, прохожих: «Что ты тут забыл, суздалец из-лесу-вылез? Мало нам было своеземельных грабителей и живоглотов?»

Воспоминание о жарко натопленной ложнице заставило ангела Пантелеймона вздрогнуть, словно и впрямь мог замерзнуть. Резво зарабо-

тал он крыльями и, держась еле натопанной в снегу линии земной дороги, пустился своею воздушной дорогой на Мичск, а там на Дорогобуж, имея в виду в конечном счете долететь до Владимира-Волынского. Конечно, можно было бы сократить путь, взяв напрямик через Чертов лес, да лучше по старинке перед ним повернуть в сторону, не зазеваться бы.

Ну, вот не нравился ангелу последнее время Изяслав, и все тут. Не в скверных обстоятельствах дело (попадал подопечный и в худшие), не нравилось ему, как стал выглядеть князь, огорчали посещающие теперь великого князя злые мысли.

Глава 1

ПРИЕЗД СТАРИННОГО ПРИЯТЕЛЯ

Почему столь сладостные чувства испытывает человек, наблюдая, как сокол, малая, но смертоносная птица, камнем падает с высоты на несчастного зайца, при удаче перебивая ему спинной хребет твердыми, как железо, когтями? Уж не потому ли, что чувствует себя в безопасности, зная, что это не на него самого охотится беспощадный враг, которому и небо подвластно?

Хотен хмыкнул: горькая эта мысль не испортила ему удовольствия от соколиной охоты. Глядя, как Анчутка медленно, проламывая сапогами твердый наст, подбирается к соколу, примерившемуся уже терзать добычу, Хотен подумал, что не верит в предчувствия. Во всяком случае, никаких скверных предчувствий не испытывал он тогда, три года назад, перед тем, как был злодейски подколот в собственном дворе. Хреново было доброму молодцу перед тем, как напоролся на воровской нож, ох как хреново, но и в голову ему тогда не могло прийти, и без того словно из-за угла мешком ударенному, что в добавку к любовному несчастью (ну и стыдобушка, до